

Журнал «Мировые цивилизации» / Scientific journal «World civilizations» <https://wcj.world>

2023, №3, Том 8 / 2023, No 3, Vol 8 <https://wcj.world/issue-3-2023.html>

URL статьи: <https://wcj.world/PDF/01IAMZ323.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Звонарёва, Л. У. Гражданская война в советской России глазами французского писателя Ж. Кесселя и русского художника-эмигранта А. Алексева / Л. У. Звонарёва, О. В. Звонарёв // Мировые цивилизации. — 2023 №3. — URL: <https://wcj.world/PDF/01IAMZ323.pdf>.

For citation:

Zvonareva L.U., Zvonarev O.V. Soviet Russia civil war interpreted by G. Kessel, the French writer, and Alexander Alekseev, the Russian emigrant artist. *World civilizations*. 2023; 3(8): 01IAMZ323. Available at: <https://wcj.world/PDF/01IAMZ323.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 82.091

**Звонарёва Лола Уткировна**

АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия  
Доктор исторических наук, профессор  
Email: [lzvonareva@mail.ru](mailto:lzvonareva@mail.ru)

**Звонарёв Олег Викторович**

АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия  
Кандидат исторических наук, доцент  
Email: [donfeliz@yandex.ru](mailto:donfeliz@yandex.ru)

## Гражданская война в советской России глазами французского писателя Ж. Кесселя и русского художника-эмигранта А. Алексева

**Аннотация.** В статье рассматривается творчество русского художника-эмигранта А.А. Алексева. Авторы отмечают, что Алексей, приступая к иллюстрированию романа Ж. Кесселя «Сибирские ночи», был уже известным художником-иллюстратором. Авторы считают, что Алексей по-своему интерпретировал текст романа, превратив оный как бы в собственное произведение. Интересен также и сам роман, поскольку он представляет собой как бы документальное свидетельство тех событий, представленное бывшим французским военным, служившим в то время составе подразделения французских интервентов во Владивостоке. По мнению авторов, обострённое восприятие действительности А. Алексева сформировалось и в том числе под влиянием событий Гражданской войны на его Родине. Россия, русский мир, также пройдя горнила испытаний, вышли из них, укрепившись не только внешне, но и внутренне, духовно. Трагедия Гражданской войны, в которую бывшая Российская империя скатилась не без «помощи» как тогдашних «союзников», так и врагов, способствовала, в конечном итоге, лишь возрождению нашей страны в новом качестве и её дальнейшему укреплению. Картины трагедии национального масштаба, потрясшего до основания бывшую Российскую империю и весь русский мир в целом, безусловно также оказали влияние и на дальнейшее творчество русского художника-эмигранта.

**Ключевые слова:** А. Алексей; Ж. Кессель; «Сибирские ночи»; книжные иллюстрации; гражданская война в России; русский мир

«Сибирские ночи» – пятнадцатая книга, иллюстрированная за короткое время сотрудничества с французскими издательствами (1926–1928) Александром Алексеевым (1901, Казань – 1982, Париж), всего лишь семь лет прожившим в Париже.

Изучив ксилографию, офорт, акватинту, он стал одним из самых оригинальных гравёров XX века. Штрих и линия, свет и тень с поразительным мерцанием оттенков проявляли отношение художника к выраженному в книге словом [4, с. 25]. Он работал в классической традиции внимательного постижения текста, но при экзистенциальном сознании художника XX века становился его интерпретатором, превращая как бы в собственное создание, всякий раз находя соответствующую форму изображения и технику. Оттого основные работы этого поразительного мастера, прежде всего к русской классике, выстраиваются в единый ряд, создавая мистический мир Александра Алексеева.

Книга молодого французского прозаика Жозефа Кесселя для него – особая. Их роднило многое: возраст, в военном противостоянии той эпохи им довелось быть не только свидетелями... И оба связаны биографически с одним и тем же городом – Оренбургом, оба в нём учились. Жозеф – в 1905–1908 гг.; его мать, Раиса Антоновна Леск, – уроженка Оренбурга. Александр волею судьбы оказывается в 1918 г. в Оренбургском кадетском корпусе [6, с. 38].

Отец, уроженец Оренбурга Александр Павлович Алексеев, окончил этот же знаменитый Неплюевский кадетский корпус. Александр даже навестит в Оренбурге одного из учителей отца, преподавшего немецкий язык<sup>1</sup>. А французским с ним будет заниматься сын учителя Александра Павловича... Обо всём этом нам поведал оренбургский краевед В. Семёнов. Но не пройдёт и нескольких месяцев, как под утро нового, 1919 г., обоз с кадетами спешно покинет Оренбург, окружённый красными, чтобы с невероятными трудностями добраться до Иркутска, где власть Колчака, где есть свой кадетский корпус.

Спустя десятилетия Алексеев в Париже в одной из автобиографических радиопрограмм выразительно описал дорогу, полную лишений. Он болен, у него ангина. Его подняли из лазарета. Предстоит в тридцатиградусный мороз преодолеть многокилометровый путь пешком в одной шинели. Ему нет ещё восемнадцати. Лишения он переносит с внутренним спокойствием, более того, уверен: «...это исследовательское путешествие, и, значит, подарок судьбы» [1, с. 40]. Он поёт вместе со всеми на морозе. Сосёт снег, чтобы унять жажду. Больше петь не сможет. Но в нём живёт художник. Не имея красок, придумывает упражнение: начинает в уме перечислять всевозможное смешение цветов и создавать воображаемые картины казачьих селений. Когда они останавливаются на ночлег, наблюдает, «как сталкиваются, отражаются и проникают друг в друга световые лучи, посылаемые двумя необъятными поверхностями – небом и снегом и локальными – деревянными стенами домов цвета грифельной доски и золотистыми кучами навоза» [1, с. 41].

Они приближались к Троицку, откуда их путь лежал по железной дороге, когда на него навалилась невероятной силы усталость. На коротком привале измученный болезнью юноша «лёг на снег, оборотив глаза к лесу» [1, с. 42] и пообещал товарищам их нагнать. От неминуемой смерти спасли проезжавшие мимо казаки. В Троицк его доставили на санях в беспомощности.

Через месяц в товарном вагоне для скота оренбургские кадеты ехали в Иркутск. В конце марта голодные, невымытые, завшивевшие, они предстали перед начальством Иркутского кадетского корпуса. Летом дипломы об окончании им выдали без экзаменов. Род войск для дальнейшего обучения отличники выбирали первыми. Алексеев предпочёл Морское училище во Владивостоке. Впереди замаячили морские просторы. Он станет «гражданином мира». Он обретёт «свой легендарный мир, утерянный в Константинополе», где прошло его раннее детство – два незабываемых года [1, с. 42].

---

<sup>1</sup> М. Дрюон «мечтал об Оренбурге» // Бердская слобода URL: <https://berdskasloboda.ru/drjuon/> (дата обращения: 01.09.2023).

Это произошло раньше, чем он предполагал. Погожим январским утром 1920 г. увидел на рейде в бухте Золотой рог судно с развевающимся российским флагом. Крейсер «Орёл», их учебный корабль. «Я ликовал: наконец, наконец мы выйдем в море; наконец-то я вижу огромный мир, обрету свободу, мне станут доступны любые земли, ведь мы покидаем Россию!» [1, с. 42]. «Морское училище, – пишут историки, – осталось последней боеспособной частью, верной режиму адмирала А.В. Колчака, который доживал последние дни. Правительственные войска Временного правительства переходили на сторону большевиков, с сопок спускались партизаны. Над учащимися морского училища и его преподавателями возникла реальная угроза. Надеяться на пощаду не приходилось...» [13, с. 36].

Владивосток забыть было невозможно и в «Сибирских ночах» Жозефа Кесселя речь идёт о том самом Владивостоке, о том самом времени, когда юноша Алексеев в этом приморском городе был курсантом Морского училища [7]. Трагические зимние месяцы 1919 г. Город наполнен войсками Антанты, по главной улице Светланской, ещё недавно принаряженной, вполне европейского облика, с маркизами на окнах богатых магазинов, разливают военные, марширует экспедиционный корпус самых разных стран.

Американцы, англичане, французы, чехи, японцы – «истинные хозяева города». Здесь орудуют вооружённые банды семёновцев, скрываются большевики. Можно понять парижанина, французского лётчика Этьена, от имени которого ведётся повествование, увидевшего город и даже океан в самых неприглядных красках.

«Тихий океан сливается с грозovým небом в одно сплошное серое полотно. Смотришь на него, и трудно представить, что он, такой безжизненный здесь, на другом конце света ласкает берега Гонолулу своими кораллово-золотистыми волнами <...> Город серый, грязный, вытянутый вдоль главной улицы, Светланской. Улица эта узкая, длинная, вся в рытвинах да ухабах <...>. Все здания в городе построены в конце прошлого века. Безликие коробки, похожие на огромные казармы <...> Город практически погибает от нищеты» [3, с. 28].

Это впечатления Жозефа Кесселя, служившего добровольцем во французской эскадрилье экспедиционных войск и ставшего участником интервенции во Владивостоке в 1918-1919 гг. Кроме «Сибирских ночей» 1928 г., он напишет в 1975 г. про увиденное на Дальнем Востоке воспоминания под характерным названием «Дикие времена»<sup>2</sup> [8] про зверства русских эпохи гражданской войны [3].

Алексеев же спустя десятилетия помнил совсем другое: он, восемнадцатилетний юноша, отказался стрелять в безоружного старика-большевика, человека из враждебного лагеря. Бросил ружьё и убежал в слезах...

У Кесселя молодой французский пилот Этьен, настроенный романтически, неожиданно для себя увлёкся русской эмигранткой дворянского происхождения и воспитания Натали, ставшей певичкой в кабаре. Возникающее чувство не сулит ничего хорошего никому из них, чем, собственно, и кончается повествование и что передано Алексеевым в финальной иллюстрации. На фоне чернеющей сопки, труб, белеющих заснеженных крыш и мерцающего фонаря, как всегда у художника, музыкальных и ритмически организованных чёрно-белых пятен, – бледные лица героев, полные безнадёжного отчаяния.

Иллюстраций всего пять – одна драматичнее и напряжённее другой. Техника акватинты с её возможностью передачи тончайших серебристых световых оттенков, чем так

---

<sup>2</sup> Прим. авторов: В РФ книга была издана под названием «Смутные времена», а не «дикие» (sauvages). По-видимому, данный вариант названия издатели сочли более адекватным, учитывая исторический период и события в России того времени.

блистательно к этому времени уже овладел Алексеев, создает тревожную нервную атмосферу. Ритмы резки, чёрное и белое нарочито контрастно в сцене в ночном ресторане-кабаре, где собираются лишь мужчины, где разлита похоть.

Удовлетворять её обязаны русские танцовщицы «из бывших». Три из них, кажущиеся обнажёнными, белыми танцующими силуэтами – на сцене. Их движения – некий дикарский танец, жесты сродни примитивным наскальным изображениям, что усиливает впечатление от прозы Кесселя – ощущение роковой неизбежности грядущей трагедии.

Пострашнее другая сцена – мрачно-чёрные мужские фигуры в папах, заполняющие собой всё пространство листа и выделяющиеся, как кажется поначалу, ритуальные движения. Вглядываясь в этот зловещий хаос, в воинственно поднятые в зверском азарте руки, замечаешь вскинутую белую женскую руку – белоказачки нагайками варварски избивают девушку за её связь с красными.

И тогда драматичнее отзывается в тебе картина, данная во французском издании на фронтисписе. Алексеев представляет город, охваченный фантастическим чудовищем – ползучим чёрным дымом. Прибегая к акватинте, он достигает здесь, пожалуй, впервые, такой метафоричности белых пятен, словно покрытых серой вуалью и оттого потерявших яркость. Мощные аккорды чёрного занимают почти всё пространство композиции.

Книга престижного издательства «Ernest Flammarion» была отпечатана в Париже 20 марта тиражом 890 экземпляров. Оттиски гравюр безукоризненно выполнены в недавно открытой мастерской французского гравёра и издателя Эдмона Ригалья (1902–1996)<sup>3</sup>. Дружбой с ним, ровесником, но уже признанным мастером офорта, по свидетельству Филиппа Супо, гордился Алексеев: «...Ригаль – художник-офортист, в сотрудничестве с которым он (Алексеев – Л.У.З., О.В.З.) ведёт свой непрерывный творческий поиск. Порой они одержимо работают вместе и восхищаются достигнутыми результатами... Этот совместный поиск свидетельствует о том значении, которое Алексеев придаёт глубокому пониманию и совершенствованию техники своего искусства» [9, с. 22].

Художник был сторонником авангарда, или Парижской школы. Однажды он выразил недовольство издателю: в печати его рисунок получился «чуждым духу Парижской школы так, как я его понимаю». Тем не менее, он не хотел, чтобы его ассоциировали с каким-либо течением в искусстве: «...Ни в коем случае я не подражаю моим коллегам (хотя противоположное случается). Я никогда не следую за модой, но всегда создаю её» [2, с. 12].

На вопрос о том, считает ли он себя авангардистом, особенно сюрреалистом, художник отвечал весьма решительно: «Как только я слышу слово «школа», всё внутри меня восстаёт... Я всегда думал, что свобода есть моя судьба и что я буду вести свою борьбу как сторонний наблюдатель, а не как последователь или человек, которого кто-то направляет со стороны» [3, с. 10].

1928 г. – это новые значительные работы Александра Алексеева: вслед за «Сибирскими ночами» Жозефа Кесселя он создал выразительные иллюстративные циклы к «Живому Будде» Поля Морана, «Пиковой даме» А. Пушкина; в нескольких книгах помещены на фронтисписе портреты авторов. Художник прекрасно владел портретным мастерством.

Писательские образы он решал остро и лаконично, каждому давая свои смысловые характеристики. На портретах такими предстают Жироду, Женбах, Бодлер, Эдгар По,

<sup>3</sup> Письма издательства «Фламарион» Ж. Кесселю (ИМЕС.FLM. (27.01.1928 —D. 12754; 03.03.1928 — D. 12755; 1928 — D. 12756; 14.02.1928 —D. 12757; 1928 —D. 12758; 16.02.1928 — D. 12759; 07.02.1928 —D. 12760).

Андерсен, Пушкин и не единожды - близкий друг Алексеева, поэт-сюрреалист Филипп Супо (1897–1990), сыгравший в его жизни значительную роль.

Супо одним из первых высоко оценил талант Алексеева, он собирал материалы для книги о нём. В 1929 г. писал: «...Алексеев... работает в соответствии с духом нашего времени. Когда он начал заниматься гравюрой, ему сразу же захотелось расширить область этого искусства... Ему хотелось, прежде всего, чтобы иллюстрация проливала новый свет на книгу... Именно поэтому ему позволено создавать некий мир, свой собственный мир, мир таинственный и лучезарный... Мы обнаружим у этого гравёра такую внутреннюю волю, которая его обязывает относиться к гравюре как к отражению своей личности. В строгих границах своего жанра он охватывает целый ряд выразительных средств, которые несут на себе печать гения» [12, с. 22].

Это не раз отмечали французские писатели, которых он иллюстрировал, даже когда делал одну единственную иллюстрацию. Автор повести «Бегство» Эммануэль Бове в полутонной литографии художника увидел природу его таланта, поблагодарив иллюстратора за то, что он хорошо почувствовал атмосферу этой повести. А поэт Жан Женбах в послесловии к экстравагантной книге «Аббат и аббатства» («L'Abbé de l'Abbaye»), в которой, кстати, иллюстрации нашего художника, как нам удалось выяснить, предшествовали стихам, написал: именно Алексеев «пробудил в нём множество образов, которые он не смог бы без него выразить» [14, с. 12].

В это же время иллюстрацию художника, романтически туманную, к сказке «Спящая красавица» издатели включили в сборник «Сказки» Шарля Перро вместе с другими уже завоевавшими европейскую известность графиками – Юрием Анненковым и Францем Мазерелем.

Год выпуска книги Кесселя, 1928 г., будет отмечен для художника ещё одним немалым событием: он заканчивал свою гениальную сюиту к «Братьям Карамазовым» [11].

Спустя десятилетия после драматического, самовольного ухода из жизни в августе 1982 г., художник своими работами возвращается на родину. «Анну Каренину» Л.Н. Толстого (2005), «Братья Карамазовы» (2005), «Игрок» и «Записки из подполья» (2011) Ф.М. Достоевского и «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака (2007) с иллюстративными циклами Алексеева в России выпустило петербургское издательство «ВИТА НОВА». В 2016 г. московское издательство «Фортуна ЭЛ» в серии «Книжная коллекция» представило малоизвестный цикл сказок Андерсена «Лунные картинки» с 33 акватинтами Алексеева и послесловием Л.У. Звонарёвой и Л.С. Кудрявцевой [5]. А в 2018 г. оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева впервые опубликует на русском повесть Кесселя «Сибирские ночи» с работами нашего художника и предисловием М.В. Сеславинского [7].

Блистательно одарённый русский европеец, мистик и философ стал создателем изобразительных версий великих книг, собственного русского мифа. Он опирался на классику, на музыку и кинематограф, на традиционные и новые, им изобретённые технологии [10], чтобы проникать в тайны человеческой души и говорить о главном – о судьбах мира, о любви и смерти, о непостижимости рока. Не случайны его слова: «Мне кажется, что весь окружающий нас мир несёт в себе идею потерянного рая» [1, с. 42].

Иллюстрации к «Сибирским ночам» Ж. Кесселя весьма характерны в этом смысле, поскольку обострённое восприятие действительности А. Алексеева сформировалось и в том числе под влиянием событий Гражданской войны на его Родине, невольным свидетелем и участником которой ему пришлось стать в совсем юном возрасте. Картины трагедии

национального масштаба, потрясшего до основания бывшую Российскую империю и весь русский мир в целом, безусловно оказали влияние и на дальнейшее творчество русского художника-эмигранта. Сейчас, про прошествии многих лет, можно с уверенностью констатировать, что Алексеев, подобно его оставшейся в морской дали Родине после его отплытия из Владивостока, не сломался под влиянием приобретённого опыта, но пережил духовную эволюцию, что привело к формированию новых черт его многогранного таланта.

Так и Россия, русский мир, также пройдя горнила испытаний, вышли из них, укрепившись не только внешне, но и внутренне, духовно. Именно поэтому, с учётом диалектического подхода к анализу исторической эволюции России в частности и русского мира вообще, можно утверждать: опыт, приобретённый нашей Родиной на каждом витке её развития, неизбежно трансформируется в новое качество, придавая устойчивость и динамизм дальнейшей её эволюции. В этой связи, можно связать можно вспомнить и перефразировать известную мысль Ф. Ницше, впервые высказанную им в книге «Сумерки идолов, или как философствуют молотом», опубликованной в 1888 г., что то, что Россию не убивает, делает её сильнее.

Об этом желательно было бы напомнить всем нашим так называемым «партнёрам» на международной арене, прежде чем выступать с широковещательными уничижительными заявлениями в адрес нашей страны, декларируя своё страстное желание «победить Россию на поле боя». Ибо, если трагедия Гражданской войны, в которую бывшая Российская империя скатилась не без «помощи» как тогдашних «союзников», так и врагов, способствовала, в конечном итоге, лишь возрождению нашей страны в новом качестве и её дальнейшему укреплению, то и нынешние кризисы, как это ни парадоксально звучит, будут способствовать её усилению и неизбежному расцвету в дальнейшей исторической перспективе.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А. Забвение, или сожаление. Воспоминания петербургского кадета // Киноведческие записки, 2002. — № 52. — С. 23–120.
2. Алексеев А. А. Из воспоминаний // Александр Алексеев. К 110-летию со дня рождения. 1901–1982. Между светом и тенью. Книги. Книжная графика. Первая русская анимация. — СПб.: Музей неконформистского искусства, 2011. — С. 40–42
3. Алексеев А. А. Несколько слов об иллюстрации // Александр Алексеев. Диалог с книгой. — СПб.: Вита Нова, 2005. — С. 12–13.
4. Алексеев А. А. О важности приема // Александр Алексеев. Диалог с книгой. — СПб.: Вита Нова, 2005. — С. 21–30.
5. Андерсен Х. К. Лунные картинки (Картинки-невидимки) / Илл. А.А. Алексеева. Пер. А. Ганзен, П. Ганзен. Послесловие Л.С. Кудрявцевой, Л.У. Звонаревой. — М.: Фортана ЭЛ, 2016. — 147 с.
6. Безвестный русский — знаменитый француз: [сб. статей: Ж. Нива и др.] / Сост., авт. вступ. ст. Е. Федотова. — СПб.: Изд-во Буковского, 1999. — 132 с.: ил., фот. — (Б-ка Всемир. клуба петербуржцев).
7. Кессель Ж. Сибирские ночи / Пер с фра. Е. Багно, пред. М.В. Сеславинского — Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г.П. Донковцева, 2018. — 120 с.: ил.
8. Кессель Ж. [Joseph Kessel] Смутные времена. Владивосток 1918–1919 г. г. Роман. — Владивосток: Тихоокеанское изд. Рубеж, 2012. — 144 с. (Серия Библиотека альманах Рубеж).

9. Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья: Биографический словарь. — СПб.: Нотабене, 2000. — 716 с.
10. Леонидов В. Создатель игольчатого экрана // Российские вести. 2005. 21–27 дек.
11. Нива Ж. Дар страдания, дар света: Алексеев в диалоге: от Достоевского к Пастернаку // Наше наследие. — 2007. — № 81.
12. Супо Ф. Алексеев А. [пер. с франц. Т. Хмелев // Александр Алексеев. Диалог с книгой. — СПб.: Вита Нова, 2005. — С. 21–30.
13. Юнаков М.А. Мои воспоминания о капитане 1 ранга М. А. Котицыне // Морские записки. — Т. XIX. — № 1/2. — 1961. С. 34–72.
14. Genbach, J. L'abbé de l'abbaye: Poèmes supernaturalistes / 16 bois gravés d'Alexandre Alexeïeff. — Paris: La Tour d'Ivoire, 1927. — 104 p.

**Zvonareva Lola Utkirovna**

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia  
E-mail: [lzvonareva@mail.ru](mailto:lzvonareva@mail.ru)

**Zvonarev Oleg Viktorovich**

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia  
E-mail: [donfeliz@yandex.ru](mailto:donfeliz@yandex.ru)

## **Soviet Russia civil war interpreted by G. Kessel, the French writer, and Alexander Alekseev, the Russian emigrant artist**

**Abstract.** The article examines the work of the Russian emigrant artist A.A. Alekseev. The authors note that Alekseev, when he began illustrating J. Kessel's novel "Siberian Nights," was already a well-known illustrator. The authors believe that Alekseev interpreted the text of the novel in his own way, turning it, as it were, into his own work. The novel itself is also interesting, since it represents a kind of documentary evidence of those events, presented by a former French military man who served at that time as part of a unit of French interventionists in Vladivostok. According to the authors, A. Alekseev's heightened perception of reality was formed, among other things, under the influence of the events of the Civil War in his homeland. Russia, the Russian world, having also gone through the crucible of trials, emerged from them, strengthened not only externally, but also internally, spiritually. The tragedy of the Civil War, into which the former Russian Empire slipped not without the "help" of both the then "allies" and enemies, ultimately contributed only to the revival of our country in a new quality and its further strengthening. Pictures of a tragedy on a national scale, which shook the former Russian Empire and the entire Russian world to its foundations, certainly also influenced the further work of the Russian emigrant artist.

**Key words:** A. Alekseev; J. Kessel; "Siberian Nights"; book illustrations; the Civil War in Russia; the Russian world